

ПСИХОЛОГИЯ ЛЮБОВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ: ВРЕМЕННОЙ ФАКТОР¹

В.А. Поликарпов. Кандидат психологических наук, доцент. БГУ, Минск.

Существует несколько решений проблемы внутреннего источника активности человека: теория минимизации Фехнера – всё живое стремится к стабильности неорганического существования; теория гомеостаза Кеннона – поведение направлено на поддержание постоянства внутренней среды организма; теория оптимальной активации Даффи и Хебба – поведение направлено на достижение оптимального уровня активации; когнитивистские теории – человек активен всегда, чтобы сделать выбор он прибегает к процессу мышления. Введение параметра времени позволило предложить новую теорию мотивации – человек стремится вернуться в ситуации наиболее эмоционально насыщенные. При этом модальность эмоции не имеет значения. В статье этот подход раскрывается на примере формирования мотивации любви.

PSYCHOLOGY OF LOVE: TIME FACTOR.

V.A. Polikarpov. PhD in Psychology, Associate Professor

There are several ways to solve the problem of the personal internal activity source: Fechner's theory of minimization which states that all living beings seek after the balance of inorganic existence; Cannon's homeostasis theory which states that behavior is aimed at maintaining of the internal environment homeostasis; Daffy and Hebb's theory of optimal activation which states that behavior is aimed at obtaining the optimal activation level; cognitive theories which state that a person is always active, he/she uses mentation to make his/her decision. Introducing a time variable made it possible to originate a new theory of motivation: a person tends to return to the most affective situations. At the same time the modality of an emotion does not matter. This article describes this approach by giving the example of forming of love motivation.

В развитии существует движение
вперёд, но не в абстрактную
бесконечность, а возвращающуюся
к самому себе.
Г.В.Ф. Гегель

¹ Подробнее см.: В.А. Поликарпов. Психология первой любви. Мн., 2002. В.А. Поликарпов. Психология любви – временной вектор// Время как фактор изменений личности: сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Брушлинского и В.А. Поликарпова. Мн., 2003.

Время примата социального в становлении и мотивации человека закончилось и в нашей стране. Наконец-то категорию социализации уравновесила категория индивидуализации. Сущность человека снова возвращается отдельному индивиду. В нашу задачу не входит критика теории социализации, и, соответственно, мы обходим полемику с её адептами. Мы хотим лишь рассмотреть её оборотную сторону, ту, с которой она выступает перед нами в своей подлинной сущности. Отметим лишь, что здесь мы придерживаемся линии М. Вебера, у которого субъект социального действия всегда индивид, противостоящей линии Э. Дюркгейма, поддержанной и развитой в своё время отечественной марксистской психологией. В работах современных последователей Вебера на Западе достаточно аргументов в пользу теории индивидуализации.

Итак, прежде чем начать, уточним, что речь в данной работе идёт не о сексе, а о любви, как специфическом психическом состоянии.

Весь эмпирический материал, анализ и обобщение которого позволил создать эту теорию, получен автором в процессе работы в кабинете психологической помощи ЕГУ в качестве психолога-консультанта.

Начнём с самого общего вопроса: зачем нужна любовь?

Существует проблема внутреннего источника активности человека. Является ли человек, его формирование и активность следствием воздействия внешних причин, или же он несёт определяющий источник активности в себе самом, что делает его существование в мире, в известной степени, автономным и, значит, ответственным?

Были мыслители, которые пытались ответить на этот вопрос исходя из анализа жизненных влечений человека как общих тенденций, определяющих в конечном итоге его существование. Рассматривая такие попытки, немецкий философ Макс Шелер выделил очень условно три разновидности соответствующих концепций: концепции, ставящие во главу угла 1) влечение к пище, 2) влечение к размножению и половое влечение, 3) влечение к власти [1]. Наиболее сильные, по его мнению, фигуры в каждой из разновидностей Маркс, Фрейд и Ницше.

Можно ли действительно отыскать такое общее для человеческого рода (а может быть и для всего живого) влечение, которое придавало бы его жизнедеятельности целесообразность? Мы исходим из того, что природное действует в социальном и через социальное. Итак, во всех проявлениях природного мы найдем нечто общее: влечение к сохранению вида. Жизнь есть высшая, конечная и единственная цель жизни. Быть - универсальный закон всего сущего, в том числе и человеческого сообщества. Это общее, универсальное влечение, пронизывающее всю жизнедеятельность человека по сути своей социально, так как вид социален. Все без исключения действия и поступки человека соответствуют этому принципу (не надо забывать, что каждый отдельный индивид есть часть вида и, сберегая себя, он сохраняет вид).

В известном смысле влечение к сохранению вида как абстрактный принцип стоит вне нравственности. Он тождественен самой жизни и может быть принят как ее определение. Между прочим, история науки знает такие попытки. Так, в конце XVII в. французский ученый Пьер Бейль определил жизнь как сопротивление смерти.

Не надо специально доказывать, что половые отношения людей (отношения полов) также удовлетворяют требованиям влечения к сохранению вида.

Влечение к сохранению вида существует как общий закон нормально функционирующего человека (но не общества, которое функционирует по своим специфическим законам). Конкретно, в человеческом существе оно присутствует как система витальных (жизненных) влечений, главные из которых: влечение к самосохранению, вытекающее из него влечение к борьбе, влечение к продолжению вида. Их специфика такова, что они не содержат в себе информации о предмете своего удовлетворения. Они являются лишь абстрактными требованиями общего характера, намечающими тенденции человеческой деятельности, и включаются в зависимости от отражения значения каждой конкретной жизненной ситуации. Как правило, эти влечения не осознаются, а переживаются человеком как эмоциональные состояния.

Теперь отметим, что в том, о чем мы сейчас говорим, еще не просматривается личность, конкретный человек. Личность, индивидуальность формируется в процессе включения человека в различные виды деятельности, предлагаемые ему обществом, соответствующие индивидуальным особенностям каждого отдельного человека и осуществляемые на различных уровнях общения с другими людьми. В деятельности формируются и конкретные человеческие потребности, отвечающие требованиям указанных влечений. Отметим, что наличием биологических закономерностей, хотя и действующих в социальном, природа человека не исчерпывается. Есть еще специфические, сугубо социальные законы, присущие только человеческому сообществу, которые являются доминирующими для человека, определяют конкретные формы его существования и развития. И здесь наконец мы подходим к ответу на вопрос: зачем нужна любовь?

С появлением и развитием социального происходит освобождение человеческого существа от инстинктов. Инстинкт отличается от влечения тем, что в нем наследственно закреплена не только импульс к действию, но и структура самого действия. Инстинкт - это наследственная стереотипная реакция [2,124]. С появлением сознания, главного социального качества человека, врожденные структуры действия, обеспечивающие витальные потребности, отмирают. Да они и не могут помочь в чрезмерно усложнившемся, быстро меняющемся мире людей. Теперь структуры деятельности должны вырабатываться человеческим сознанием каждый раз заново, силой его творческой активности. Но сознание - это сугубо

специфическое явление, чисто социальное, не содержащее в себе уже ничего биологического.

Это проекция социального в психику человека. Оно детерминировано только социальными, специфическими закономерностями, которые никак не содержат в себе влечения к сохранению вида. Сознание, «свободно» распоряжаясь влечениями человека, может превратить их в источник наслаждений. (В этом выборе само сознание не свободно, оно детерминировано культурой, навязывающей свой стиль поведения, выгодный, например, индустрии развлечений). Так сексуальное влечение может использоваться в русле совершенно противоположном принципу сохранения вида, и сопровождаться стремлением избежать зачатия, частой сменой половых партнеров, применением противоестественных, способных нанести вред психическому здоровью партнера форм сближения и т.п. Сознание вступает в противоречие с влечениями, возникает опасность нарушения принципа сохранения вида. Поэтому однажды влечение взрывает сложившуюся рациональность сознания, подчиняя его своим требованиям, заставляя формировать адекватные себе структуры поведения. Действуя в социальном и через социальное, влечение превращается в любовь.

Влюблённого человека отличает следующее.

1. Влюбленному (влюбленной) нужна не женщина (мужчина) вообще, а именно эта женщина (мужчина).
2. Влюбленность смягчает половое влечение. Не уменьшая желаний, она намного облегчает воздержание.
3. Бесплезно пугать несчастьями людей, которых хотят разлучить. Вернейший знак влюбленности в том, что человек предпочитает несчастья вместе с возлюбленной (возлюбленным), любому счастью без нее (без него).
4. Человек может испытывать любовь до осуществления полового акта, даже до начала половой жизни вообще.
5. Сила любви не дает остыть чувствам мужчины и женщины, и после угасания мощных биологических стимулов полового влечения.

В соответствии с требованиями закона сохранения вида люди делятся на мужчин и женщин. Разделение на мужчин и женщин, как и разделение на самку и самца у многих животных возникло потому, что беременный организм становится беззащитным и неспособным обеспечивать свою жизнедеятельность. В этот период заботиться о нем и защищать его должно существо противоположного пола. Для этого женщина должна быть выбрана им как *единственная*, несмотря ни на что, вначале, до половой близости, как объект ухаживания (что позволяет адаптироваться друг к другу), затем как объект полового влечения и, наконец, как субъект отношений. Женщина же должна при этом отвечать ему тем же.

Итак, смысл любви состоит в том, чтобы заставить человека преодолеть внутренние и внешние препятствия (связанные со сложившимися в сознании представлениями и ценностями и с особенностями окружающей социальной среды), подавить, если необходимо, биологическое влечение к самосохранению и соединиться с конкретным человеком противоположного пола в целях продолжения вида.

Формирование любви. Первый период.

Первый период формирования чувства любви относится к подростковому возрасту.

Как правило, уже в начале ускорения развития сексуальной потребности имеется определенный сексуальный сценарий¹. Он может быть сформирован не только в результате непосредственного сексуального контакта: определенную роль здесь может сыграть также и подростковый онанизм, так как последний в период юношеской гиперсексуальности может сопровождаться активным воображением, просмотром фото- и видеоматериалов, подглядыванием, разглядыванием собственного тела, или различными манипуляциями с ним. В любом случае формирование половой потребности предполагает ее активное осознание.

Развитие потребности идет через ее удовлетворение. Так как в данном возрасте непосредственное удовлетворение половой потребности затруднено, то оно замещается воображением. Вообще, с началом интенсификации полового развития начинается и интенсивное фантазирование, причем не только на сексуальные темы. Внутренний мир подростка в этот период складывается из нескольких устойчивых грез в которых он воображает себя тем, кем хочет быть. Такие устойчивые грезы, продолжающиеся длительное время, до нескольких лет, словно многосерийный кинофильм или длинный роман, сочиняемый для себя, имеют во всех случаях несколько общих признаков.

Во-первых, они цикличны, т.е. состоят из повторяющихся последовательностей одних и тех же воображаемых действий, совершаемых фантазирующим², причем в различных ситуациях, что соответствует очередному удовлетворению потребности.

¹ Термин введен Джоном Ганьоном и Уильямом Саймоном. Сексуальный сценарий предопределяет возможный и предпочитаемый тип сексуального партнера, эротические стимулы, требования к месту, времени и ситуации полового сближения и способы его обоснования и оправдания [3, 68].

² Кстати, повторяющийся элемент фантазии легко позволяет вскрыть первичную потребность, вызвавшую ее.

Во-вторых, в них присутствуют постоянные герои, или героини, взятые из жизни, кинофильмов, книг или самостоятельно придуманные, которым фантазирующий демонстрирует свои действия и которые являются их участниками. В случае сексуального фантазирования таким героем может быть воображаемый сексуальный партнер, выступающий в качестве объекта приложения действий и в качестве их свидетеля (например, подвигов в его честь).

В-третьих, имеется инфраструктура грез (мне больше нравится название: география фантазии, но термин инфраструктура, конечно, точнее). Это воображаемый мир, в котором разворачиваются те или иные события. Этот мир подчиняется главному требованию: он должен вместить в себя все объекты, которые могут стать предметом потребности фантазирующего, и позволять совершать с ними желаемые действия. Он также должен позволять решать в воображении проблемы, возникающие в реальной жизни данного человека.

В-четвертых, в этом мире сам фантазирующий занимает определенное социальное положение (имеется соответствующая социальная среда), позволяющее совершать желаемые действия и решать проблемы, возникающие в реальной жизни.

В-пятых, и это самое главное: в грезах присутствует сам объект, на который направлена потребность. Часто этот объект и воображаемый мир могут быть тождественны (бытовое фантазирование), или могут быть тождественными предмет потребности и социальное положение с подтверждающей его инфраструктурой. Но это - частные случаи. Отметим, что предмет потребности всегда принадлежит инфраструктуре и является ее порождающим элементом.

Великолепным материалом для изучения детского фантазирования является детская литература, описывающая фантазирующего ребенка или подростка. Имеется множество книг на эту тему. Вполне применим здесь метод контент-анализа.

Воображение в силу своей специфики позволяет обходить запреты, идущие от социального. Подобные обходы запретов могут стать индивидуальной нормой, стереотипом, без которого полноценный половой акт будет невозможен. Сам сценарий предопределяет способ первого удовлетворения потребности, фиксируясь при этом как ставшая потребность, предопределяя, как уже говорилось, в последующем способ удовлетворения потребности, но не возникает в нем (в первом удовлетворении). Он существует ранее, еще до первого удовлетворения как еще во многом абстрактная, общая схема, как принцип, конкретизирующийся и принимающий форму в первом удовлетворении. Откуда же он берется? К сожалению, биографический материал, полученный нами, не позволяет ответить на этот вопрос. Мы можем сослаться лишь на мнение авторитетного исследователя, которое кажется нам убедительным. Сексуальный протосценарий (назовем его так) повторяет

сексуальный профиль семьи, усвоенный в возрасте до пяти шести лет. Эрик Берн уверяет, что своими запретами родители указывают малышу направление действий [4, 61-62]. Так появляется и закрепляется сексуальная потребность, которая затем претерпевает дальнейшее развитие и осознание во взаимодействии с воображаемым идеалом. Но, как увидим ниже, ни сексуальный сценарий, ни воображаемый идеал - эти две необходимые квинтессенции социального - не определяют ни выбора возлюбленного (возлюбленной), ни отношения к нему (к ней) как сексуальному объекту.

Далее речь пойдет о формировании мотивов. Сама по себе обострившаяся потребность вызывает только поисковое поведение, направленное на отыскание предмета, способного ее удовлетворить, т.е. способного стать объектом определенной последовательности действий. После встречи субъекта потребности с адекватным ей объектом в отношении к нему переживание потребности получает поочередно один из двух модусов, которые можно обозначить как «мне хочется» и «я хочу». Вот разница между ними: я хочу заснуть, но мне не хочется. Я хочу заснуть, это значит, что я лег в постель, что я знаю, что сейчас я должен спать, что сейчас все люди спят и т.д. Мне не хочется - это переживание воли, которая как бы вне меня.

«Я хочу» и «мне хочется» исключают друг друга¹, они как бы находятся в отношении дизъюнкции. «Мне хочется» - это переживание природного побуждения, воспринимаемого как иррациональная воля. Это неподвластный человеку страх, восторг, вдохновение, интуиция и т.д. «Мне хочется», всегда является проблемой для Я. Я должно овладеть, подчинить себе «мне хочется», превратить его в «Я хочу». В противном случае «мне хочется» угрожает разрушить Я, уничтожить включенность человека в социальное. Я хочу - это сознательно, под контролем социального принятое решение, оно организовано социально значимой целью.

Но то, что Я должно подчинить себе «мне хочется», овладеть им, вовсе не означает, что оно стремится его уничтожить, что оно защищается. Как нельзя сводить социальное к морали, распространенной в определенных слоях того или иного общества определенной эпохи, так нельзя видеть в Я только антагониста влечений. Превратить «мне хочется» в «Я хочу» означает для Я приспособиться к нему и использовать его энергию. Я как структура сознания, т.е. проекции социального в психику человека, в творческом плане совершенно бесплодно, само по себе оно не способно ничего породить. Поэтому Я нуждается в «мне хочется» и стремится овладеть им. Такое овладение, присвоение «мне хочется» достигается посредством понимания². Между

¹ Еще одним примером может быть явление психической импотенции, которая связана с переходом под влиянием социального от «мне хочется» к «я хочу».

² На это понимание может оказать влияние нравственная рефлексия, но это уже другой вопрос.

прочим, в свете сказанного сохраняет значение, хотя и приобретает другой смысл, формула Фрейда “Wo Es war, soll Ich werden” – «Где было ОНО, должно стать Я».

Инструментом, обеспечивающим переход от «мне хочется» к «я хочу» является мотив. Как уже говорилось, сама по себе обострившаяся потребность способна вызвать лишь поисковое поведение. Встреча с объектом, соответствующим потребности, кладет начало поведению направленному непосредственно на ее удовлетворение: достижение объекта и потребление его. Поэтому объект, конкретизирующий здесь и сейчас потребность и, будучи фрагментом действительности, привязывающий ее непосредственно к действительности, выступает в качестве мотива. В модусе «мне хочется» объект, ставший мотивом, переживается как произвольное желание думать о нем, стремиться к нему, обладать им. В модусе «я хочу» субъект думает об объекте, ставшем мотивом, стремится к нему, чтобы испытать это чувство¹. В первом случае чувство вызывает направленность на объект, во втором, направленность на объект должна вызвать чувство, т.е. пробудить потребность. За «я хочу» тоже стоит «мне хочется» только другого свойства. В первом случае мне хочется думать и стремиться к объекту, потому что я испытываю это чувство, во втором мне хочется думать об объекте, чтобы испытывать это чувство. Вот это «мне хочется думать, и стремиться, чтобы испытать», переживается как волевое усилие, как «я хочу». Влечение, пропущенное через знание (понимание), теперь становится принадлежностью Я, как бы берет начало не в бессознательном побуждении, а в волевом акте субъекта. Главное здесь не то, что Я действительно становится источником побуждений, а то, что, будучи посредником социального, позволяет последнему взять побуждения под свой контроль.

В рассматриваемый период формирования любви имеется еще одно совершенно специфическое психическое состояние, не связанное с модусами «мне хочется» и «я хочу». Оно вообще доступно человеку только раз в жизни и напрямую коррелирует с половым созреванием. Это предчувствие необычного. Настроение ожидания чувства. Оно как бы предсказывает возможность какого-то сильного впечатления. Причины этого настроения совершенно не осознаются.

Формирование любви. Второй период.

Если жизнь - это сопротивление смерти, значит жизнь - это сопротивление времени. В каждое мгновение человек живет только один раз и в последующее мгновение он уже другой. Процесс изменения идет непрерывно, юное и

¹ Поэтому он так бессилен в борьбе с бессонницей, ведь там нет объекта.

прекрасное превращается в старое и нередко безобразное, а затем неизбежно наступает смерть. Юноша, полюбивший девушку, влюбляется лишь в одно из ее состояний, распространяя это состояние на всего человека, воспринимая как его неотъемлемое и неизменное свойство. Не влюбленность создает эту иллюзию неизменности, а культура, изначально, по своей исходной сути призванная противостоять времени и скрыть от человека правду о его бытии. Даже языковые формы постоянно обманывают нас. Когда девушке говорят: какая ты красивая, и повторяют это часто и много, в этой фразе не звучит: в этот период твоей жизни..., и девушка (за редким исключением) начинает думать, что красота - ее неотъемлемое свойство, ее главный признак, ее определение, и если она ведет себя соответствующим образом на протяжении последующих тридцати - сорока лет, она, утратив свою красоту, не вызывает ничего, кроме насмешек. Так человек превращается в карикатуру на самого себя. Впрочем, есть исключения. Очень остро чувствуют время и процесс изменения педофилы и гомосексуалисты. Герой романа В.Набокова «Лолита» Гумберт Гумберт постоянно занят проблемой времени. Он все время с тревогой отмечает, как меняется тело Лолиты, становящееся старше.

Если говорить о чувстве времени гомосексуалиста, то можно сослаться, например, на роман Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея», где время - главная тема повествования. Автор решает главную проблему романтически (в данном случае) влюбленного гомосексуалиста: прекрасный юноша Дориан Грей начинает жить вне времени, перестает стариться, вместо него старится надежно спрятанный от посторонних глаз его портрет. Теперь Дориана можно любить всегда.

Все остальные категории людей, не задумываясь, клянутся любить всю жизнь. Тем не менее, время, действительно, привносит в нашу жизнь особую трагичность и рано или поздно это замечается всеми.

Но есть ситуации, в которых время останавливается. Равномерное течение человеческой жизни прерывается событиями. При взгляде назад череда событий воспринимается человеком как его судьба. Когда человек пишет свою биографию, он перечисляет *события*. Одни из них институционализированы, т.е. предопределены организационными структурами общества, например, учеба в школе, служба в армии, другие нет. Для определения типов события в языке имеется много терминов: случилась беда, было нанесено оскорбление, влюбился. Событие круто меняет жизнь, это его главный признак. Институционализированные события - это то, что есть в судьбе многих. Неинституционализированное событие - то, что делает судьбу индивидуальной, неповторимой. Такое событие всегда кажется неожиданным, непредвиденным. Событие становится содержанием *атемпоральной ситуации*. До тех пор, пока событие сохраняет свое значение и ситуация остается актуальной, она не меняется во времени, потому что остается в настоящем. Собственно говоря, *настоящее* создано ситуацией, а не наоборот. Дело в том, что в ней отсутствуют следующие изменения. Все участники атемпоральной ситуации

выступают в одном качестве, например: муж, любовник, жена, возлюбленная, начальник, просто хороший парень, любопытный и т.п. Ситуация требует решения *одной* главной проблемы, способы решения которой неизвестны. Все участники актуальной ситуации объединены *одной* деятельностью. Ситуация является актуальной всегда только для одного субъекта, единичного или коллективного. Главными признаками атемпоральной ситуации является то, что ее переживание выражено одним чувством, причем очень интенсивным, если она касается единичного субъекта (например, большое горе) и одним общественным настроением, так же интенсивно выраженным, если она касается коллективного субъекта. (Например, начало забастовки: «мы - сила»). Вместе с тем, сама по себе атемпоральная ситуация очень подвижна. Уже потом, после ее завершения, можно сказать, что за короткое время развития такой ситуации человек (или люди) прожил целую жизнь, и вернуться в прошлое, к состоянию, которое было до нее невозможно. Иногда в силу интенсивности переживания атемпоральной ситуации и субъективной значимости события, вызвавшего ее, создается иллюзия, что она будет длиться вечно. Такую ситуацию мы будем называть сверхатемпоральной. Сверхатемпоральные ситуации возникают редко и становятся таковыми не сразу.

Интересно, что обычная атемпоральная ситуация может быть действительно очень долго растянута во времени, иногда, возникая фрагментами - редкие встречи с каким-нибудь человеком.

Событие, дающее начало атемпоральной ситуации, вначале не воспринимается как таковое.

Второй и третий периоды развития влюбленности содержат в себе сверхатемпоральную ситуацию. Ее начало - встреча с аттрактором – конкретизация полового партнёра. Происходит встреча с конкретным объектом влечения. Это период знакомства. Здесь возникает основное отношение атемпоральной ситуации. Например, женщина, которую надо защищать, холодная красавица, надёжный друг – свой парень и т.п.

Формирование любви. Третий период.

Третий период развития влюбленности: задержка половой близости и закрепление партнера как объекта достижения.

Первая фаза третьего периода – появление препятствий. Следующая за ней вторая фаза – осознание невозможности немедленного преодоления препятствий распадается на две подфазы. На первой впечатление действует как бы само по себе, на второй - оно активно удерживается и развивается самим субъектом, что связано с опасением потерять испытанное впечатление, хотя бы часть его.

В общем-то, все это понятно и целесообразно. Субъект формируется на одном единственном партнере, выступающем как объект достижения. Что стоит за опасением потерять переживаемое состояние? Потребность концентрироваться на объекте, вызывающем указанное состояние, искать встречи с ним. Опасение потерять состояние не дает даже на короткое время отвлечься от образа достижения.

С этого момента начинается подфаза активного удержания и развития полученного впечатления. Это очень важный момент. Если до сих пор личность (т.е. социальный субъект) была совершенно беззащитна перед действием желания, то теперь он постепенно начинает осваиваться ею. Это выражается, прежде всего, в начале активного отношения к нему. Если какие-либо действия в ситуации появления препятствий исключены, аттрактор предстаёт как объект познания. Через несколько дней эмоциональное состояние описываемой стадии прекращается. Оно как бы переходит из непосредственного переживания в воспоминание о нем. Это не означает, что впечатление перестаёт действовать. Напротив, оно, превращается в основной мотив поведения, обеспечивая на многие годы состояние влюбленности. Но первый, самый сильный, импульс желания проходит, и тем заканчивается сверхтемпературная ситуация. Теперь поведение субъекта будут определять совсем другие механизмы. Пожалуй, с этого момента начинается настоящая любовь.

Формирование любви. Четвёртый период.

Ощущение, восприятие, представление, воображение, речь - мир образов, особая реальность, обобщенная в результате философской рефлексии, понятием «явление» (мир явлений). Тот, для кого психика только отражение (определения: активное отражение, опережающее ничего не меняют) навсегда замкнут внутри проблем репрезентации мира субъекту, воспроизведения в сознании уже существующих (в таких случаях добавляют «до и независимо от него») реалий и никогда не сможет приблизиться к решению проблемы творчества. Для него субъект в конечном итоге тождествен сознанию, т.е. вовсе отсутствует как самостоятельная категория, а психика сводится к следовым изменениям в «непсихических» (биологических) структурах. Слабые попытки избежать этого привели в психологии к формированию понятия бессознательного. Однако оно рассматривается, как правило, по аналогии с сознанием (механизм вытеснения не подвергается, например, специальному анализу), это такая же часть психики, как и сознание, только не осознаваемая. «Психоаналитическая теория, - пишет Фрейд, - утверждает, что (вытесненные - В.П.) представления не становятся сознательными, потому что им противодействует известная сила, что без этого они могли бы стать сознательными, и тогда мы увидели бы, как мало они отличаются от остальных общепризнанных психических элементов» [5, 426].

Этот мир явлений (осознанных и неосознанных) по существу есть мир субъекта, и зависит в конечном итоге от активного отношения человека к действительности. Так, утоление голода предполагает исчезновение соответствующих ощущений, и появление ощущений сытости, что достигается активным добыванием пищи и поглощением ее. Однако из-за невозможности совершить необходимое действие, удовлетворение той или иной потребности может быть длительное время затруднено, что способно привести психику к критическому состоянию, чреватому патологическими изменениями. Относительное преодоление этого достигается за счет того, что желаемый объект, возникая в восприятии, продолжает жить в образах представления и воображения. Своеобразное удовлетворение потребности за счет изменения этих образов обозначим термином сублимация, который будет обозначать в нашем случае вынужденное отклонение влечения от его прямой цели на замещающую. К сублимации можно отнести и некоторые *действия*, косвенно связанные с доминирующей потребностью и приводящие к ее частичному удовлетворению. Так понятая сублимация свободна от любого диктата извне, в частности от принятых в обществе моральных стереотипов. Эти свойства сублимации делают ее процессом, который может превращаться, при наличии необходимых задатков, в полноценное творчество.

В состоянии влюбленности выделяются следующие виды сублимации: воображение, сновидение, творчество, сублимационные действия. Все они отсутствуют в период протекания сверхатемпоральной ситуации и появляются только после ее прекращения.

ВООБРАЖЕНИЕ

Возлюбленная (возлюбленный) закрепляется как исключительный предмет сексуальной потребности. Уже говорилось, что потребность есть не что иное, как желаемая последовательность действий с адекватным объектом. В случае сексуальной потребности это сексуальный сценарий. К моменту начала любви сексуальный сценарий может быть сформирован. Воображение влюбленного отличается тем, что в нем не реализуется сложившийся сексуальный сценарий, хотя перечисленные выше пять основных признаков грез сохраняют силу: цикличность, наличие постоянных героев-зрителей или участников событий, устойчивой инфраструктуры, определенного социального положения фантазирующего и самого объекта потребности. Для воображения влюбленного характерно еще и то, что меняется его собственная позиция в грезе. Если в обычных фантазиях воображаемый мир как бы существует для субъекта, в фантазиях влюбленного воображаемый мир и он сам существуют для воображаемой возлюбленной. Она (воображаемая) становится как бы зрителем. В таком смещении акцентов воображения кроется объяснение того, почему любовь разрушает сложившиеся под влиянием социального противные природному стереотипы и создает новые.

Во всех полученных нами протоколах отмечается *осторожность* воображения, стремление сохранить образ возлюбленной, (возлюбленного) максимально объективным. Этот принцип является главным разграничением между аутистическими грезами и продуктивным воображением, смыкая последнее с познанием¹.

Тем не менее, воображение играет огромную роль в развитии любви. И случай, описанный в романе У.С.Мозма «Малый уголок» может, кажется, опровергнуть все предшествующие наши рассуждения о воображении. Герой романа, по крайней мере, к этой мысли подводит нас автор, покончил с собой из-за того, что его возлюбленная оказалась на самом деле не такой, какой он себе ее представлял. Мы не согласимся с героем и его автором. Она была именно такой, бедняга Кристессен просто ошибся. То что он заметил в Луизе было в ней случайным, даже если это и было ее «истинным лицом», т.е. выражением основного содержания ее жизни. Ориентированный на достижение влюбленный видит только лучшее в предмете своей любви (давно подмеченный факт), не замечая недостатков, но это лучшее объективно присуще предмету любви. Спрашивается, что это за лучшее? То, что соответствует нравственным требованиям данного общества? Физические свойства, максимально способствующие деторождению? Нет. Особым актом интуиции влюбляющийся открывает в человеке, ставшем объектом его любви, его индивидуальную сущность, конкретное проявление человеческой сущности в данном конкретном индивиде, которое всегда интенсивнее, привлекательнее, интереснее, чем все остальные комбинации свойств, определяемых жизнью человека в данном конкретном обществе.

За индивидуальной сущностью человека всегда стоит целый мир, предполагающий ее раскрытие и, как правило, существующий лишь в возможности. Этот мир всегда воспроизведен как объективная реальность в художественном произведении, имеющем главного героя или героев как

¹ Процессуально и в основе познания, и в основе воображения лежат одни и те же механизмы мышления, определяющие и мышление наглядно-действенное, и конкретно-образное, и вербально-логическое. Главное психологическое отличие между ними – личностное, мотивационное: воображение удовлетворяет неспецифическую потребность, замещая удовлетворение той или иной потребности, прямое удовлетворение которой в настоящее время по каким-то причинам затруднено; познание всегда направлено на удовлетворение специфической, т.е. всегда познавательной потребности, выполняя ориентировочную функцию. Второе различие между ними практическое. Познание открывает мир субъекту, объясняет его, поэтому его главное требование – объективность, соответствие познаваемому объекту; воображение же на основе познания творит мир в соответствии с потребностями субъекта и его главное требование субъектность, т.е. соответствие требованиям субъекта, который тоже объективен (поэтому субъектность нельзя путать с субъективностью). Поэтому и то и другое подчиняется критерию: истинно – ложно. Между познанием и воображением нет дизъюнктивной границы.

коллективного субъекта. В этом плане не откажешь в пронизательности М. Горькому, сказавшему, что сюжет начинается с образа. Каждый человек, взятый с точки зрения его индивидуальной сущности, может быть развернут в такой сюжет. Целью влюбленного является войти в этот мир, стать его частью, соединиться в нем с возлюбленной (или возлюбленным). Движению по этому пути, реконструкции такого мира и служит в частности воображение. Здесь, на секунду отвлечшись, можно, между прочим, сделать парадоксальный вывод. Влюбленный лучше знает (правильнее сказать, чувствует, но слово «знает» в данном контексте привычнее) любимого им человека, чем тот сам себя.

Индивидуальная сущность человека может быть «злой», но влюбленный всегда усваивает мораль любимого. Влюбленный всегда будет безоговорочно воспринимать как непререкаемую ценность все, что связано с любимым.

Но перейдем к содержанию воображения. Вся динамика духовного развития влюбленного подчинена логике удовлетворения потребности, объектом которой выступает возлюбленный (возлюбленная). Но если сексуальный сценарий в отношении предмета любви разрушен, как же строятся собственно отношения с возлюбленным (в данном случае в - воображении)? Здесь нам открывается уникальная возможность изучить, как вообще формируется новая потребность.

Выше мы определили потребность как требование определенной последовательности действий с адекватным объектом. Однако суть удовлетворения той или иной потребности не в простом воспроизведении сложившегося комплекса действий (и не в периодическом потреблении одних и тех же предметов в ходе циклически повторяющегося напряжения потребности). Если он будет механически в точности воспроизведен, удовлетворение потребности не наступит. Удовлетворение любой потребности достигается лишь тогда, когда в процессе ее удовлетворения появляется (или еще содержится) элемент новизны. Автолюбитель не испытает удовлетворения от езды, если ежедневно будет кружить по одним и тем же пустынным улицам, он ищет новых дорог и новых дорожных ситуаций; гурман не удовлетворится поеданием одних и тех же блюд, одинаково приготовленных: ему нужны новые оттенки вкусовых ощущений даже в любимых блюдах. О чем рассказывают потом, когда хвастаются? Сравнивают с предыдущим и говорят о том, чего еще не было.

Но если к описанию (анализу) динамики потребности добавить наряду с отмечаемой авторами циклическостью, периодичностью еще аспект новизны, возникает угроза исчезновения понятия «удовлетворение потребности», теряется ее идентичность. В лучшем случае остается вопрос: удовлетворение

чего? Что инвариантно в периодически возникающей *конкретной* потребности¹?

Кажется, что ответ на этот вопрос содержится уже в традиционном понимании потребности: предмет или класс предметов. Странным образом (может ли быть случайное совпадение заблуждения с истиной), это заблуждение выглядит истиной, если исходить из такого уникального явления как влюбленность, которая характеризуется тем, что возлюбленный (возлюбленная) осознанно или неосознанно воспринимается как исключительный предмет сексуального удовлетворения, он с необходимостью, хотя бы виртуально присутствует во всех актах сублимации, всегда оставаясь конечной целью. Но любовь - слишком специфическое состояние человека, и исключительность ее предмета - следствие ее онтологического смысла, а не причина. Можно конечно говорить о классе объектов, но при более пристальном рассмотрении каждого конкретного случая обнаружится, что выделенный класс не имеет общего основания, так как имеет тенденцию к расширению, и вновь освоенные объекты требуют поиска нового основания для всего комплекса.

Мы определили потребность как желаемую последовательность действий с адекватным объектом. Такое определение допускает возможность расширения класса объектов потребности, ибо адекватными могут быть объекты, имеющие общими лишь несущественные, часто случайные свойства. Так гвозди можно забивать молотком, но и топором, который предназначен вовсе не для этого, камнем, поленом и еще Бог знает чем. Здесь потребляются лишь те свойства объектов, которые позволяют выполнять соответствующие операции. Но не будем спешить на основании этого и подобного примеров с выводом относительно инварианта потребности: комбинация необходимых свойств.

Структура действий так же динамична и изменчива, как и комплекс адекватных объектов, хотя в гораздо меньшей степени. Именно поэтому в нее могут вовлекаться новые свойства, принадлежащие совсем неожиданному классу объектов. Наконец, принцип: я тебе покажу, как это лучше делать и тебе понравится, играющий такую большую роль в научении (чаще всего неинституционализированом, как говорят, уличном) и примененный к данному конкретному человеку каким-нибудь случайным субъектом, может полностью изменить последовательность действий, оставив потребность прежней. Могут, наконец, возникнуть совсем разные комплексы действий, удовлетворяющие, в зависимости от обстоятельств, одну и ту же потребность.

Скрупулезный анализ «биографии» потребностей приводит к мысли, что дело обстоит так, будто индивид, получив однажды сильное впечатление, периодически объективирует его, как бы стремясь исчерпать все многообразие

¹ Только не присутствующая в каждой потребности нужда и не влечения. Такое решение вопроса было бы уводящей от анализа потребностей абстракцией.

соответствующих ему форм действий. Или еще лучше (учитывая произвольный, импульсивный характер этого процесса), однажды попавшее в психику индивида сильное впечатление понуждает его действовать во всех доступных сферах его бытия, стремясь реализоваться во всех возможных для него (впечатления) формах. Такое впечатление, ставшее коллективным, может вызвать продолжительное общественное движение, переживающее смену поколений.

Из сказанного можно сделать уже, по крайней мере, тот вывод, что всякая конкретная потребность существует как *процесс*, т.е. всегда находится в стадии становления. Но, дабы оставаться таковой, содержит в себе некоторый инвариант, присутствующий во всех актах своего возбуждения и удовлетворения, вокруг которого вращается развертывающееся, усложняющееся удовлетворение потребности и наличием которого достигается, ее идентичность¹. Этот инвариант есть *обратная тенденция*.

Во всех актах удовлетворения потребности субъект неосознанно стремится пережить то эмоциональное состояние, которое он переживал в период протекания атемпоральной ситуации. Тем самым достигается продолжение во времени атемпоральной ситуации, сохранение ее в настоящем. Обретается победа над временем. Именно поэтому люди, с которыми мы регулярно общаемся, продолжительное время кажутся нам неизменными, их внешность и их характер. Они фиксируются в той или иной атемпоральной ситуации, продлеваемой описанным выше механизмом. Все происходящее с ними изменения кажутся обратимыми. Логика рассуждения приводит нас к постановке двух, центральных в данной проблеме вопросов. Почему воспроизвести эмоциональное состояние периода сверхактуальной ситуации можно только внося в процесс удовлетворения элемент новизны, и за счет чего достигается узнавание этого нового, как соответствующего исходному переживанию? Если вспомнить, что удовлетворение потребности означает соответствующие изменения в сфере образов, то оба вопроса можно свести к одному: как достигается соответствие образа переживанию? Более подробно. Выше было сказано о двух модусах личности «мне хочется» и «я хочу». «Мне хочется» означает, что чувство непосредственно побуждает к какому-либо действию, реальному или идеальному, а «я хочу» - что действие совершается с целью пробуждения чувства, побуждающего к соответствующим действиям и тем самым развивающего действия, с помощью которых его вызвали. Почему чувства вызывают именно эти действия в первом случае и почему во втором только определенные действия могут вызвать необходимое чувство? Начнем с анализа первого состояния. Именно оно является исходным и действует на рассматриваемом этапе развития влюбленности.

¹ Наиболее удачной иллюстрацией этой мысли может быть образ, предложенный Гераклитом: для того, чтобы река была рекой, она должна все время течь и изменяться.

То, что присутствует во всех действиях, вызывающих необходимое чувство, есть не что иное, как то, что вызвало это чувство впервые - исходное первичное отношение между влюбленным (влюбленной) и возлюбленной (возлюбленным), определявшееся позицией возлюбленной (возлюбленного). Вся активность влюбленного в воображении и вообще в процессе ухаживания состоит в обеспечении, поддержании, такого отношения.

СНОВИДЕНИЯ

Здесь я ограничусь лишь самыми общими замечаниями. Бывают как бы серии сновидений, связанных с одним человеком, и даже если он не присутствует в них непосредственно, вы понимаете (скорее чувствуете), что сновидения посвящены ему. В таких сновидениях, а они всегда вызывают удовольствие и оставляют впечатление на целый день и потом долго помнятся, всегда повторяется общее исходное отношение, вызвавшее сильное впечатление. Сновидения позволяют снова пережить то чувство, которое сопровождало его, наполняя переживания новизной. Новизна - это реализация тех возможных событий, которые соответствуют основному отношению. Множество таких возможных событий очерчивает предел той или иной потребности и является предметом творческой работы воображения, сновидения или настоящего творчества, а также сублимационных действий. Происшедшее (идеально или реально) конкретное событие не вызовет прежних переживаний, если его повторить снова, потому что переходит в другую плоскость. Оно обрастает новыми ассоциациями и интерпретациями, так как появляется в совсем другой конкретной ситуации и повторенное уже не будет соответствовать прежней исходной ситуации. Символы сновидения это зашифрованный сценарий желаемого поведения. То же касается и творчества.

ТВОРЧЕСТВО

Эта форма сублимации встречается гораздо реже. Хотя, говорят, все влюблённые пишут стихи. В любом случае во всех произведениях, вдохновлённых любовью, можно найти основное исходное отношение, характеризовавшее сверхатемпоральную. Чаще всего оно выступает как мотив произведения - простейший элемент сюжета. В литературоведении этим

термином пользуются при восстановлении первоначальных форм сюжета былин, сказок и других жанров, чтобы проследить их переход из одной страны в другую. Им широко пользовался А.Н.Веселовский, представитель сравнительно-исторического литературоведения, родоначальник исторической поэтики, а также формалисты. Символы же рисунков, соответствующие мотиву - элементы мира, в котором может произойти встреча с аттрактором и объяснение с ним. Причем этот мир не допускает изменения образа аттрактора, но лишь его сохранение и развитие.

СУБЛИМАЦИОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Повышенная активность половых желез в период влюбленности требует непосредственного удовлетворения половой потребности. Так как соитие с любимым человеком невозможно, возникает видимое противоречие: удовлетворение половой потребности означает измену, верность препятствует естественному стремлению удовлетворить половую потребность. Задача перечисленных выше форм сублимации обеспечить верность путем переключения половой энергии на другие сферы деятельности. Но если их оказывается недостаточно? Был ли верен Данте Беатриче, умершей совсем юной? Встретив ее у ворот рая, что свершилось, когда он земную жизнь прошел до половины, т.е. достиг тридцатипятилетнего возраста, так пишет он в своей поэме, он вначале не может хорошо вспомнить ее облик. «Возникшая с завешенным челом Среди ангельского празднества стояла Ко мне чрез реку обретясь лицом¹.

Прошло пятнадцать лет с тех пор, как поэт потерял свою возлюбленную. И вот теперь, когда силой своего поэтического вдохновения снова нашел ее, он пишет:

«Глаза к ручью склонил я, но когда
Себя увидел, то, не молвив слова,
К траве отвел их, не стерпев стыда».

Ангелам приходится вступиться за Данте:

«...я понял, что они зовут
Простить меня, усердней, чем словами:
«О, госпожа, зачем так строг твой суд!»

¹ Здесь и далее перевод М.Лозинского.

А вот, что говорит Беатриче:

«Природа и искусство не дарили
Тебе вовек прекраснее услад,
Чем облик мой, распавшийся в могиле.

Раз ты лишился высшей из отрад
С моею смертью, что же в смертной доле
Еще могло себе привлечь твой взгляд?
Ты должен был при первом же уколе
Того, что бrenно, устремить полет
Во след за мной, не бrenной как дотоле.
Не надо было брать на крылья гнет,
Чтоб снова пострадать, будь то девичка
Иль прочий вздор, который миг живет.

Раз два страдает молодая птичка;
А оперившихся и зорких птиц

От стрел и сети бережет привычка».

Все это, конечно, сам Данте думает о себе.

Слишком длительное воздержание было бы нелепо и само по себе противоречило бы природе. Противоречие между требованием верности и необходимостью непосредственного удовлетворения половой потребности преодолевается сублимационными действиями. Это такие действия, в которых предмет действий и ситуация их осуществления оправдывают измену, в результате измена как бы перестает быть таковой. Наиболее распространен временный переход в ту действительность, которая отмечена печатью порока. Вина возлагается на саму действительность и общество, допускающее ее существование (в других культурах, возможно, иначе); хорошо работает здесь миф о двойной природе человека, низменной и возвышенной. Впрочем, многие люди, не склонные к философским рассуждениям, находят более простой способ оправдания: они обвиняют женщину (или мужчину), которые их соблазнили в силу своей собственной порочности.

В завершение скажем, что эта борьба человека с временем заканчивается

его поражением. Как всегда время побеждает и всё проходит.

Использованная литература

1. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М.: «Прогресс» 1988.
2. Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М.: «Педагогика», 1989. Т.1.
3. Кон И.С. Введение в сексологию. М.: «Медицина», 1988.
4. Берн Эрик. Секс в человеческой любви. М., 1990.
5. Фрейд З. Я и Оно // Психология бессознательного. М., 1989.